

## ОТНОШЕНИЕ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК К СЕБЕ И РОДИТЕЛЯМ ПРИ ЭПИЗОДИЧЕСКОЙ И ХРОНИЧЕСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ДЕПРИВАЦИИ<sup>1</sup>

© 2012 г. А. К. Рубченко

*Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии  
Института атомной энергетики Национального исследовательского  
ядерного университета “МИФИ”, Обнинск;  
e-mail: a671011@gmail.com*

Изучается семейная депривация и ее взаимосвязь в юношеском возрасте с отношением к себе и родителям ( $n = 411$ ). Реализована попытка развести эпизодическую и хроническую семейную депривацию. Обнаружены различия в отношении к отцу и матери у депривированных и не депривированных в детстве юношей и девушек, а также показана прямая связь между отношением к себе и родителям.

*Ключевые слова:* семейная депривация, отношение к себе, отношение к родителям, поздняя юность.

В последнее время в психологической литературе все большее внимание уделяется генезису компонентов Я-концепции, которые связаны с восприятием человеком себя и отношением к себе. При этом одним из главных факторов формирования и развития полноценной личности считаются отношения в семье, в частности, детско-родительские отношения, а основным механизмом формирования представлений личности об окружающей действительности и о самих себе, по мнению многих ученых, является процесс идентификации с другими, и том числе и с родителями [9, 14, 16, 17]. Важнейшим условием благополучного протекания этого процесса считается наличие фактически и психологически полной семьи с адекватным и традиционным исполнением родителями половых ролей. Оба родителя одинаково важны для гармоничного развития личности ребенка. Во многих исследованиях [18–21] представлены данные, что матери и отцы обладают почти одинаковыми способностями заботиться о своих детях, несмотря на различия в степени участия.

Одной из наиболее серьезных причин, вызывающих глубокие негативные переживания у ребенка, является разлука с родителями. Причем чем раньше она наступает, тем сильнее переживается семейная депривация, которая способствует деформации самоотношения ребенка.

В литературе имеются указания на патологическую роль семейной депривации в развитии личности ребенка, в частности: развода родителей [15], длительной командировки одного из родителей [11], а также острых реакций в связи с психической травмой, возникшей вследствие смерти родителя [6]. Изменения, которые порождает психическая травма на мозговом, эндокринном и эпигенетическом уровнях, бывают подчас необратимы. Работы в области нейропсихологии и применяемые в них методы визуального исследования мозга позволяют утверждать, что травма воздействует непосредственно на структуры мозга, которые отвечают за развитие специфических высших функций. Она затрагивает отделы мозга, отвечающие за установление близких, интимных и теплых отношений, а также за регуляцию аффекта [8].

Длительный дефицит эмоционально-окрашенного созвучного общения вызывает у ребенка неуверенность в положительном отношении к нему родных, чувство тревоги и ощущение эмоционального неблагополучия. В ситуации долгой разлуки тревога становится доминирующим эмоциональным фоном, на котором искажается развитие психики, возникает отчуждение. И тогда ребенок, находящийся вдали от семьи, может испытывать стыд, страх, агрессию, подвергаться самообвинению. Он пытается понять суть происходящего с ним, осмыслить сложившуюся ситуацию. Дети по-разному решают эту проблему. Внутренняя

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (грант № 10-06-00301а).

“переработка” ситуации отрыва от семьи идет по двум направлениям:

1. Отвержение себя, если ребенок склонен к переживанию чувства вины. Он как будто соглашается с фактом отдаления от семьи за его плохие поступки или плохие мысли. У ребенка возникает тяжелое чувство, ведущее к потере самоуважения, принуждающее к исправлению своего “плохого” поведения.

2. Отвержение семьи и родителей, если ребенок приходит к выводу о родительской виновности в том, что он оторван от семьи, оставлен один.

С утратой основных ориентиров (семьи и ближайшего окружения) нарушается восприятие себя и собственной жизни – оно приобретает неустойчивый и фрагментарный характер, в результате чего создается ощущение собственной неадекватности.

Также различны и отдаленные психологические последствия семейной депривации. Не удовлетворенные в детстве потребности уже во взрослом состоянии могут проявляться как стремление во чтобы то ни стало привлечь к себе внимание других людей, в зависимом поведении и поиске одобрения своих действий на стороне, чувствительности к эмоциональной холодности в отношениях, излишней разговорчивости или замкнутости, страхе разлуки, боязни одиночества, поиске покровительства, повышенном беспокойстве или, наоборот, апатии. Все это говорит о неосознанном стремлении личности удовлетворить свои базовые потребности, не удовлетворенные в детстве. Но суть в том, что сделать это уже невозможно. Никакое количество суррогатов материнской любви не сможет возместить человеку чувство безопасности, которое он не обрел в детстве. Он должен сам найти эту безопасность внутри себя, и юность – наиболее чувствительный период для этого поиска.

Данные литературы, проливающие свет на психологическую роль семейной депривации в развитии личности ребенка, позволяют выдвинуть следующие гипотезы:

1) между депривированными и недепривированными в детстве юношами и девушками существуют различия в отношении к отцу и матери;

2) существует прямая связь между отношением к себе и к родителям.

В данной работе была предпринята попытка развести эпизодическую и хроническую семейную депривацию: с первой из них соотносили временную разлуку с родителями – командировка

отца или матери, госпитализация или продолжительное проживание ребенка с бабушкой или дедушкой, а со второй – смерть родителя, рождение ребенка вне брака родителей, развод.

## МЕТОДИКА

Участники исследования – студенты 3–4 курсов ( $n = 411$ ), из них девушки – 213 чел. (52%), юноши – 198 чел. (48%). Возрастной диапазон участников исследования от 19 до 22 лет, средний возраст – 20.5 лет. Все они являлись студентами дневных отделений высших учебных заведений, не состояли в браке и не имели детей. Респонденты продолжали жить в семье с родителями или в общежитии отдельно от родителей, навещая их на каникулах. В исследовании рассматривались только нуклеарные семьи, состоящие из родителей и детей, т.е. из двух поколений. В выборке не оказалось юношей и девушек из неполных семей, воспитывавшихся только отцом, поскольку, как известно, при разводе родителей ребенок чаще остается с матерью, а отношения между ребенком и отцом становятся крайне дистанцированными.

Сведения об испытуемых и их родительских семьях, а также о причинах разлуки с родителями в детстве, о степени депривированности респондентов были получены с помощью разработанной нами анкеты (см. Приложение).

В группу депривированных (квазиэкспериментальная группа) вошли испытуемые из полных и неполных семей, имевшие депривационный опыт в период от рождения до 10 лет в силу разных причин. В полных семьях такими причинами были длительные командировки матери или отца, учеба родителей, госпитализация ребенка на время болезни, его отдых в летнем оздоровительном лагере или у прауродителей; в неполных семьях – развод родителей и уход отца из семьи, смерть отца, отсутствие отца вследствие рождения ребенка вне брака.

Степень негативных переживаний, связанных с разлукой, депривированные участники исследования оценивали с помощью 10-балльной шкалы анкеты. Оказалось, что большинство юношей/девушек, переживших в детстве эпизодическую (временную) или хроническую (постоянную) разлуку с одним или обоими родителями, оценивают это событие негативно.

В качестве критерия оценки депривационного опыта использовались низкие и высокие баллы,

полученные по шкале анкеты. Нижний квартиль распределения включал оценки от 1 до 3 баллов ( $M = 2$ ,  $\sigma = 0.62$ ) – недепривированные, а верхний – от 8 до 10 ( $M = 9$ ,  $\sigma = 0.74$ ) – сильно депривированные. Респонденты, набравшие от 4 до 7 баллов, вошли в группу средне депривированных ( $M = 5.5$ ,  $\sigma = 1.12$ ). В соответствии с полученными результатами выборка была разделена на 3 группы: 1) недепривированные – 14 испытуемых (4.7%); 2) средне депривированные – 163 испытуемых (55.2%); 3) сильно депривированные – 118 испытуемых (40.1%).

В связи с тем, что среди средне и сильно депривированных оказались юноши и девушки как из полных, так и неполных семей, эти группы были разделены на подгруппы по формальному признаку – полная (140 чел.)/неполная (141 чел.) семья, или эпизодическая/хроническая депривация.

После анализа степени депривированности участников исследования и срока их разлуки с родителями или одним из них они были разделены на группы:

1) недепривированные (группа сравнения) – 64 юноши и 66 девушек из полных семей, не разлучавшихся в детстве с родителями, или непродолжительная разлука с которыми не оставила в их памяти сильного аффективного следа (оценки от 1 до 3 баллов по шкале анкеты);

2) эпизодически депривированные (65 юношей и 75 девушек из полных семей, оценившие депривационный опыт от 4 до 10 баллов по шкале анкеты);

3) хронически депривированные (69 юношей и 72 девушки из неполных семей, оценившие депривационный опыт от 4 до 10 баллов по шкале анкеты).

Также каждая из групп была поделена на подгруппы по половому признаку.

Для изучения отношения юношей и девушек к себе и родителям использовалась проективная методика “Кодирование” [4]. Основными стимулами в этой методике являются понятия: “Мужчина”, “Женщина”, “Ребенок”, “Я”.

В нашем исследовании методика “Кодирование” была модифицирована, чтобы использовать ее как направленный ассоциативный тест в целях изучения особенностей детско-родительских отношений. Стимулы “Мужчина” и “Женщина” были заменены стимулами “Отец” и “Мать”, а стимул “Ребенок” определен как “Я в детстве”. Ассоциации на стимулы ограничивались рамкой

определенных классов (неодушевленный предмет, травянистое растение, дерево, животное, геометрическая фигура, музыкальный инструмент, сказочный персонаж, ампула артиста цирка). Кроме этого, процедура включала в себя раскрытие содержательного, смыслового компонента каждого ассоциативного образа. Испытуемым предлагалось подобрать ассоциацию на ключевые слова в рамках заданных предметных классов, а затем – один или более признаков сходства стимула и ассоциации.

Обработка производилась посредством процедуры частотно-смыслового анализа, которая предполагает выделение смысловых категорий с точки зрения позитивности/нейтральности/негативности признаков, характеризующих ассоциации респондентов, а затем подсчет частоты их использования. Так, фиксировались следующие аспекты эмоционального отношения к объекту: *нейтральное* – без акцентирования какой-либо эмоциональной окраски (Мать: трава, зеленая); *позитивное* – подчеркивание приятных качеств этого объекта (Ребенок: котенок, так как маленький, хорошенький, ласковый); *негативное* – подчеркивание негативных аспектов объекта (Отец: дуб, так как тупой, как дерево, глупый).

*Процедура исследования.* Методики предъявлялись в следующей очередности: сначала испытуемые заполняли бланк методики “Кодирование”. В конце респонденты отвечали на вопросы анкеты. Анкетирование специально проводилось в конце психологического обследования для того, чтобы воспоминание о разлуке с родителями в детстве не повлияло на ответы испытуемых.

*Статистическая обработка* данных проводилась с использованием пакета программ *Statistica 6.0*. Рассчитывались: угловое преобразование Фишера –  $\phi^*$ ,  $T$ -критерий Вилкоксона, коэффициента ранговой корреляции  $r_s$ -Спирмена.

## РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Для изучения устойчивого влияния семейной депривации в течение длительного периода времени необходимо посмотреть различия в исследуемых подгруппах по отношению к себе в прошлом (“Я в детстве”) и в настоящем (“Я в данный момент времени”) и в их ретроспективной динамике по методике “Кодирование” (см. рис. 1). При этом были использованы:  $T$ -Вилкоксона для выявления достоверности временного сдвига в двух зависимых выборках и угловое преобразование Фишера ( $\phi^*$ ) для определения различий между

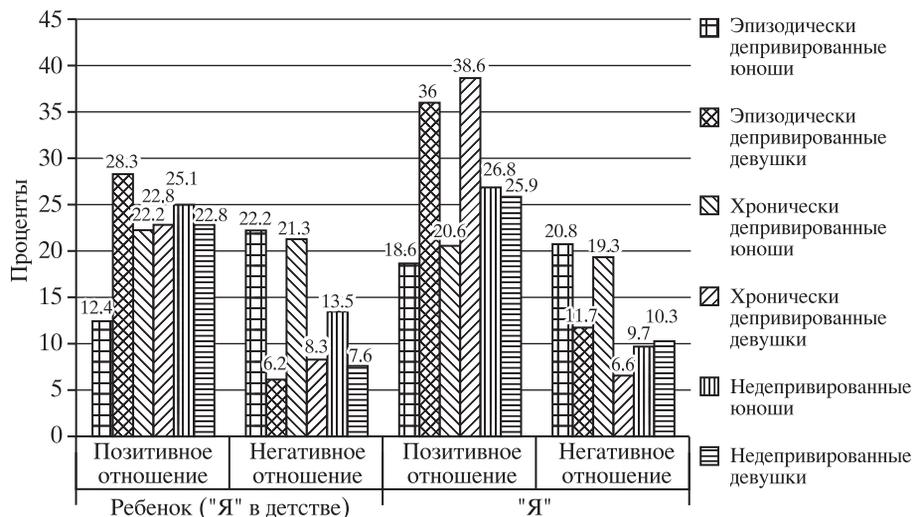


Рис. 1. Показатели отношений юношей и девушек к ребенку ("Я" в детстве) и к себе по методике "Кодирование".

эпизодически депривированными и недепривированными, а также эпизодически и хронически депривированными юношами и девушками.

Как видно из результатов, представленных на рис. 1, у **эпизодически депривированных юношей** при вспоминании себя в детстве негативные оценки себя выше, чем позитивные. Сравнение ретроспективы детства хронически и эпизодически депривированных юношей показало, что хронически депривированные юноши относились к себе скорее *амбивалентно*, поэтому позитивных оценок себя у них больше, чем у эпизодически депривированных юношей ( $\varphi^* = 2.05$ ,  $p < 0.02$ ), а по негативным различий нет. В ретроспективном детстве у **недепривированных** юношей преобладает *позитивное* отношение к себе, так как приписываемые себе позитивные оценки значительно выше, чем у эпизодически депривированных юношей ( $\varphi^* = 2.05$ ,  $p < 0.02$ ), а негативные – значительно ниже ( $\varphi^* = 3.06$ ,  $p < 0.001$ ).

В позднем юношеском возрасте отношение к себе у **недепривированных юношей** остается *позитивным*, что согласуется с ранее полученными нами результатами [13]. У **эпизодически депривированных юношей** к поздней юности позитивное отношение к себе возрастает ( $T = 217.5$ ,  $p < 3.037$ ), а негативное сохраняется неизменным и, при соотношении позитивных и негативных оценок, все еще превосходит позитивное отношение к себе, но с тенденцией к *амбивалентности*. Различий в позитивных оценках себя между хронически и эпизодически депривированными юношами обнаружено не было. В негативных оценках себя в настоящем эпизодически депривированные юноши превосходят хронически депривированных ( $\varphi^* = 2.47$ ,  $p < 0.01$ ). В целом у

хронически депривированных юношей остается *амбивалентное* отношение к себе.

Примечателен тот факт, что по количеству позитивных ассоциаций на стимул "Я в детстве" **эпизодически депривированные девушки** в два раза превосходят юношей из аналогичных семей и недепривированных девушек ( $\varphi^* = 1.69$ ,  $p = 0.046$ ). Позитивное ( $T = 248$ ,  $p < 0.006$ ) и негативное ( $T = 248$ ,  $p < 0.03$ ) отношение эпизодически депривированных девушек к себе увеличивается к поздней юности, а у недепривированных оно не изменяется. В целом у недепривированных и эпизодически депривированных девушек наблюдается явное *позитивное* отношение к себе.

Вспоминаемое отношение к себе в детстве хронически депривированных девушек менее позитивно ( $\varphi^* = 1.96$ ,  $p < 0.03$ ) в сравнении с эпизодически депривированными девушками. Но в целом, т.е. при соотношении позитивных и негативных оценок, оно позитивно. К юности позитивное отношение к себе у **хронически депривированных девушек** ( $T = 157$ ,  $p < 0.001$ ) увеличивается, а негативное остается неизменным. Восприятие себя в настоящем по негативным оценкам выше у эпизодически депривированных девушек по сравнению с недепривированными ( $\varphi^* = 1.75$ ,  $p < 0.04$ ) и хронически депривированными ( $\varphi^* = 3.35$ ,  $p < 0.0001$ ) девушками, но в целом оно также *позитивно*.

Таким образом, преобладающее негативное отношение к себе в ретроспективе детства у эпизодически депривированных юношей сохраняется к поздней юности. Хронически депривированные юноши в настоящее время относятся к себе так же *амбивалентно*, как в ретроспективном детстве. У всех девушек при субъективном восприятии

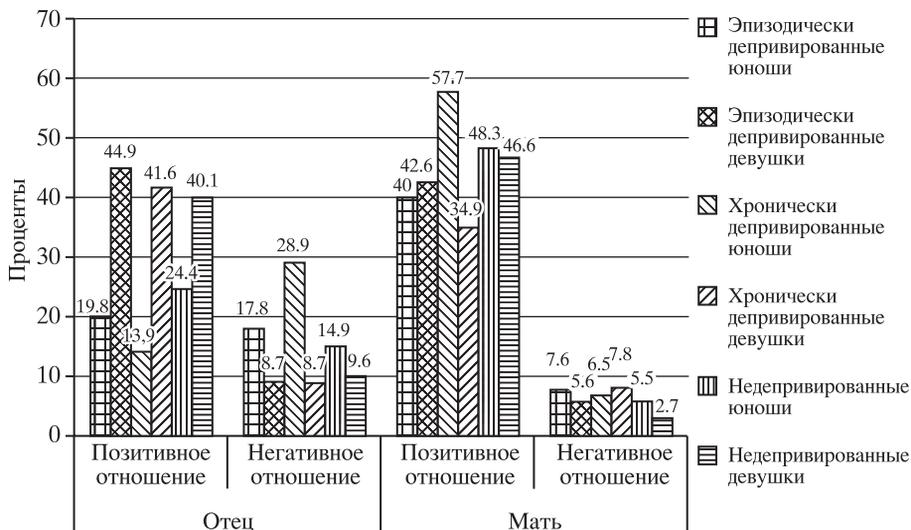


Рис. 2. Показатели отношения к отцу и матери юношей и девушек по методике “Кодирование”.

себя в детстве позитивное отношение к себе преобладает над негативным, а у депривированных девушек оно увеличивается к поздней юности.

Усиление позитивного отношения к себе у депривированных девушек объясняется работой защитных компенсаторных механизмов. Следовательно, травма разлуки с родителями в детстве продолжает оказывать негативное влияние на отношение к себе в юности.

Рассматривая различия в отношении к родителям, которые определялись с помощью углового преобразования Фишера – критерия  $\phi^*$ , было установлено, что у недепривированных юношей преобладает позитивное отношение к отцу, а у хронически депривированных – негативное (см. рис. 2). Они хуже относятся к отцу и по сравнению с эпизодически депривированными юношами ( $\phi^* = 3.09, p \leq 0.001$ ). Ведь чем более значим в системе ценностей данный личностный смысл объекта, тем сильнее эмоционально окрашен сам объект, тем чаще и наглядней (интенсивней) будет проявляться отношение к этому объекту.

Эпизодически депривированные юноши испытывают сниженное позитивное (практически индифферентное) отношение к отцу. Следовательно, при постоянном или периодическом отсутствии отца уменьшается отчетливость его образа и происходит снижение его аффективной насыщенности, что согласуется с взглядами Г.Е. Введенского [3]. Иными словами, эмоциональное отношение к родителю из-за его частого отсутствия смещается в сторону безразличия. Эти умозаключения перекликаются с позицией, И.С. Кона, который считает, что нормальная жизнедеятельность личности предполагает не просто обмен информа-

цией со средой, но и установление с ней каких-то эмоционально значимых отношений. В условиях стресса положение меняется: конфликтная ситуация, которую индивид не в силах разрешить, вызывает у него отрицательные эмоции огромной силы, угрожающие его психике и самому существованию. Чтобы выйти из стресса, он должен разорвать связь своего Я и травмирующей среды или хотя бы сделать ее менее значимой [9].

Между юношами не обнаружено различий в отношении к матери: у всех испытуемых позитивное отношение к матери преобладает над негативным. Однако самым позитивным является восприятие матери хронически депривированными юношами ( $\phi^* = 2.82, p < 0.001$ ). Это подтверждает выводы М.Ю. Казарян, А.И. Сайфу-галиевой о том, что у детей из неполных семей складывается особое отношение к матери вследствие отсутствия отца. У них теплые, доверительные отношения, даже теплее, чем у детей из полных семей. Эти дети сами относятся к своим близким (маме, братьям и сестрам) более трепетно, боясь их потерять, потерять их любовь, ласку, заботу, потерять возможность любить их [7]. Хронически депривированные юноши позитивно относятся к матери, которая постоянно находилась с ребенком на всех этапах его развития, и негативно относятся к отцу, которого ребенок никогда не имел или лишился в детстве, что связано с сохранившимся эдиповым комплексом. Действительно, когда рядом нет отца, на которого можно равняться, эти юноши выбирают себе другой объект (учителя, наставника, тренера) мужского пола для подражания. Отношение к отцу хронически депривированных юношей в целом негативное;

они обвиняют отца в его отсутствии, в том, что он покинул их. Как и М. Мид, Т.В. Архиреева утверждает, что высокую значимость матери для развития самоотношения мальчика нельзя считать только положительным явлением, так как: "...для того чтобы ребенок мужского пола мог успешно приспособиться к жизни, он должен как-то отождествлять себя со своим отцом или другим взрослым мужчиной. Как бы ни близка ему мать, какие бы теплые чувства ни существовали между ними, какого бы ни заслуживала она восхищения и преданности, она не является для ребенка мужского пола моделью жизни. Если его привязанность к ней слишком сильна, это затормозит его эмоциональное развитие; если он отождествит себя с ней, то он рискует оказаться сексуально извращенным или же в лучшем случае сформирует в себе некоторые фантастические и мучительные установки. Самую тяжелую расплату готовит семейная жизнь как раз тем мальчикам, которые воспитаны в антагонизме к отцу и в чрезвычайной зависимости от матери" (цит. по [1, с. 76]). При отсутствии мужского влияния материнская опека недостаточно способствует становлению личности мальчика. Из-за недостатка общения с мужчинами мальчики видят окружающий мир глазами матерей. У них проявляется недостаток внутренней определенности. Дети, обделенные мужским влиянием, боятся жизни, которая так не похожа на безопасную материнскую среду.

Среди юношей отношение к матери становится прохладнее при эпизодической семейной депривации, а среди девушек – при хронической. Однако в целом отношение к матери более позитивно, чем к отцу. Эти результаты подтверждают мнение А.А. Реана и Я.Л. Коломинского, которые считают, что для большинства юношей и девушек родители продолжают оставаться главными, эмоционально близкими лицами, но доверенным лицом чаще является мать [12].

У эпизодически депривированных девушек отмечаются более высокие показатели позитивного отношения к отцу по сравнению с недепривированными девушками ( $\varphi^* = 2.67, p \leq 0.002$ ) и одинаково позитивное отношение к матери. Отношение к отцу хронически депривированных девушек не отличается от отношения эпизодически депривированных девушек, при этом их отношение к матери по сравнению с остальными группами девушек – ниже. Скорее всего, это связано с сохранившимся эдиповым комплексом, который, как считает П. Дако, вызывает у женщин мужественность, а у мужчин – трусость, а также чувство вины без видимых причин, боязливость. Появив-

шись в детстве, этот комплекс может сохраниться на всю жизнь, если нет взаимопонимания между родителями и детьми [5]. Возможно, поэтому депривированные девушки являются более целеустремленными по сравнению с недепривированными юношами, а юноши имеют самые низкие показатели отношения к себе, которое проявляется в страхе перед целеполаганием, перед противоположным полом и, можно даже сказать, перед жизнью.

У юношей и девушек, переживших разлуку с родителями, эдипов комплекс не разрешается, так как ребенок вместо устранения родителя пытается удерживать его образ. Если в детстве ребенок не расставался с родителями на длительное время, то этот процесс протекает постепенно без удержания: (чрезмерной интернализации) образов родителей и застревания на них.

По показателю "Негативное отношение к отцу и матери" эпизодически депривированные юноши более негативно относятся к отцу ( $\varphi^* = 1.68, p \leq 0.048$ ) и к матери ( $\varphi^* = 2.15, p \leq 0.015$ ) по сравнению с недепривированными, а хронически депривированные юноши имеют самые высокие показатели по негативному отношению к отцу. Не обнаружено различий по негативному отношению к матери между эпизодически и хронически депривированными юношами.

Между депривированными и недепривированными девушками отсутствуют статистически значимые различия по показателю "Негативное отношение к отцу". Отношение к матери более негативно у эпизодически и хронически депривированных девушек по сравнению с недепривированными девушками ( $\varphi^* 2.15, p \leq 0.015$ ).

Вторая гипотеза о прямой связи между отношением к себе и отношением к родителям изучалась при помощи коэффициента ранговой корреляции  $r_s$ -Спирмена. В результате было обнаружено, что у всех эпизодически депривированных и недепривированных юношей и девушек как позитивное, так и негативное отношение к себе напрямую связано с отношением к отцу ( $p \leq 0.05$ ). Все это отражает особое значение отца в жизни ребенка, в становлении его отношения к самому себе. В разных подгруппах были установлены некоторые нюансы такой связи. Например, у хронически депривированных юношей имеется связь только между негативным отношением к себе и отцу ( $p = 0.018$ ), но нет связи с позитивным отношением к нему, а у девушек нет связи с негативным отношением к нему. Эти результаты согласуются с утверждением Т.Н. Пуховой о том, что в неполной материнской семье девочка соз-

дает себе фантомный образ отца, идеализированный, лишенный человеческих слабостей и каких-либо конкретных черт, и поэтому безжизненный [10].

Кроме этого, было установлено, что коррелирует *отношение к себе и к матери* у всех испытуемых женского пола и у недепривированных юношей, а у эпизодически депривированных юношей есть связь только между негативным отношением к себе и матери ( $r_s = 0.47, p \leq 0.0002$ ). Значит, при нестабильности структуры семьи из-за непринятия себя у мальчика появляется и дистанцированное отношение к матери, он подсознательно обвиняет мать в появлении негативных чувств в свой адрес.

У **хронически депривированных юношей** имеется связь между показателями позитивного отношения к себе и матери ( $r_s = 0.53, p \leq 0.0001$ ), но нет связи между показателями негативного отношения, что отражает особо теплое отношение сына к самому близкому и родному человеку – матери. При этом юноши могут идеализировать образ матери, которая заботится о них и является самым близким человеком в их жизни. Согласно концепции Э. Берна, Идеал-Эго состоит из сознательных и бессознательных образов того, каким человек хотел бы быть: образы эти сформированы по образцу некоторых людей, кем он восхищается и кому хотел бы подражать, поскольку приписывает им идеальные качества [2].

У недепривированных юношей и у эпизодически депривированных девушек коррелирует как позитивный, так и негативный аспект отношения к себе и к отцу/матери ( $p \leq 0.05$ ). Не обнаружена связь между негативным отношением к себе и к отцу у хронически депривированных девушек, а отношение этих девушек к матери полностью коррелирует с отношением к себе, однако связь между негативным отношением к себе и матери – обратная ( $r_s = -0.34, p \leq 0.046$ ), т.е. при повышении негативного отношения к матери уменьшается негативное отношение к себе. Это значит, что у девушек из неполных семей, в отличие от юношей, с возрастом теряется особенно теплое отношение к матери. Следовательно, эти девушки воспринимают мать как свою соперницу, что является проявлением сохранившегося комплекса Электры. По мнению Т.И. Пуховой, в неполной семье девочка много фантазирует о том, какой бывает отцовская любовь, но, конечно, не получает ее. Дефицит отцовской любви, сопровождающий процесс взросления, порождает искаженное восприятие чувств окружающих людей [10].

## ВЫВОДЫ

1. Травма разлуки с родителями в детстве продолжает негативно влиять на отношение к себе в юности. У всех депривированных юношей снижено позитивное и повышено негативное отношение к себе. У депривированных девушек, вероятно, эффективнее срабатывают механизмы психологической защиты, поэтому в юности у них самые высокие показатели позитивного отношения к себе.

2. Эпизодически депривированные юноши и хронически депривированные девушки менее позитивно относятся к родителям по сравнению с недепривированными юношами и девушками и эпизодически депривированными девушками. Хронически депривированные юноши демонстрируют негативное отношение к отцу и самое позитивное из всех юношей отношение к матери.

3. Связи между отношением к себе и родителям являются в основном положительными, т.е. отношение к себе напрямую связано с отношением к родителям. При сравнении отдельно негативных и позитивных оценок себя и оценок родителей у хронически депривированных юношей обнаружены прямые связи между негативным отношением к себе и отцу и позитивным отношением к себе и матери. У хронически депривированных девушек выявлены прямые связи между позитивными оценками себя и отца и обратные – между негативными оценками себя и матери. У эпизодически депривированных юношей выявлены прямые связи между негативным отношением к себе и матери.

Полученные результаты исследования подтверждают выдвинутые гипотезы. Между депривированными и недепривированными юношами и девушками существуют различия в отношении к себе и родителям, при этом отношение к себе напрямую связано с отношением к родителям. Эпизодическая и хроническая семейная депривация в детстве способствует формированию искаженного отношения к себе и впоследствии отражается на отношении юношей и девушек к своим родителям.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архиреева Т.В.* Влияние родительского воспитания на самоотношение младшего школьника // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 67–77.
2. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые

- играют в игры: Психология человеческой судьбы / Общ. ред. М.С. Мацковского. М.: Прогресс, 1988.
3. *Введенский Г.Е.* Нарушения половой идентичности и психосексуальных ориентации у лиц, совершивших противоправные сексуальные действия: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 2000.
  4. *Дворянчиков Н.В., Герасимов А.Б.* Особенности применения проективных методов при диагностике и изучении лиц с аномальным сексуальным поведением // Материалы международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам Lomonosov-96. Секция "Психология". М., 1996. С. 16–17.
  5. *Дако П.* Новое искусство жить / Пер. с фр. М.: Институт практической психологии, 1995.
  6. *Исаев Д.Н.* Предупреждение реакций дезадаптации. Хрестоматия. Обучение и воспитание детей "группы риска". М.: Институт практической психологии, 1996.
  7. *Казарян М.Ю., Сайфугалиева А.И.* Вопросы эмоционального состояния детей в неполных семьях // Тезисы второй всероссийской научной конференции "Психологические проблемы современной российской семьи" (25–27 октября 2005 г.). / Под ред. В.К. Шабельникова и Л.Г. Лидерса. М., 2005. Часть 2.
  8. *Кигаи Н.И.* Травма – прошлое и настоящее // Журн. практической психологии и психоанализа. 2010. № 4. URL: <http://psyjournal.ru>
  9. *Кон И.С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
  10. *Пухова Т.И.* Повторение пройденного матерью // Журн. практической психологии и психоанализа. 2001. № 4. URL: <http://psyjournal.ru>
  11. *Раттер М.* Помощь трудным детям. М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс, 1999.
  12. *Реан А.А., Коломинский Я.Л.* Социальная педагогическая психология. СПб., 1998.
  13. *Рубченко А.К., Харламенкова Н.Е.* Значимость влияния отца на отношение ребенка к себе в процессе взросления // Научный поиск: Сборник научных работ студентов, аспирантов и преподавателей / Под ред. проф. А.В. Карпова. ЯрГУ, Ярославль, 2006. С. 234–241.
  14. *Савина О.О.* Условия развития идентичности в подростковом и юношеском возрасте // Современная личность: социальные представления, мышление, развитие в норме и патологии / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, Е.А. Чудиной. М.: Институт психологии РАН, 2000. С. 70–71.
  15. *Фигдор Г.* Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой. Психоаналитическое исследование. М.: Наука, 1995.
  16. *Фрейд З.* Психология бессознательного / Сост. М.Г. Ярошевский. М.: Просвещение, 1989.
  17. *Bandura A.* Social learning theory. N.Y.: General Learning Press, 1977.
  18. *Fagot B.I.* Social Problem Solving: Effect of Context and Parent Sex // International Journ. of Behavioral Development. 1998. V. 22(2). P. 389–401.
  19. *Fagot B.I., Hagan R.* Observations of Parent Reactions to Sex-Stereotyped Behaviors: Age and Sex Effects. Child Development, 1991. V. 62. P. 617–628.
  20. *Lytton H., Romney D.M.* Parents' differential socialization of boys and girls: A meta-analysis Psychological Bulletin, 1991. V. 109. P. 267–296.
  21. *Russell G., Russell A.* Mother-child and father-child relationships in middle childhood // Child Development. 1987. V. 58. P. 1573–1585.

## ПРИЛОЖЕНИЕ

### Анкета

Здравствуйте! Предлагаем Вам принять участие в исследовании детско-родительских отношений. Для этого ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы анкеты. Обращаем Ваше внимание на то, что правильность наших выводов будет полностью зависеть от искренности и точности Ваших ответов.

1. Сведения о себе: Дата рождения \_\_\_\_\_ Пол \_\_\_\_\_ Инициалы (шифр) \_\_\_\_\_  
Семейное положение \_\_\_\_\_ Образование \_\_\_\_\_ Специальность \_\_\_\_\_
2. Ваша родительская семья: полная, неполная (подчеркнуть)
3. Состав семьи \_\_\_\_\_ Количество человек \_\_\_\_\_
4. Порядок Вашего рождения в семье: старший, средний, младший, единственный ребенок (подчеркнуть).
5. В данный момент Вы проживаете с родителями или в общежитии \_\_\_\_\_
6. Была ли в Вашем детстве (0–10 лет) разлука с отцом или матерью на длительное время \_\_\_\_\_

Если да, то:

- Кто из родителей отсутствовал: отец, мать, оба родителя (подчеркнуть)
  - В каком возрасте это произошло? \_\_\_\_\_
  - С кем Вы проживали во время разлуки с родителями? \_\_\_\_\_
  - Причина отсутствия родителей: командировка, развод родителей, смерть, что-то другое (допишите) \_\_\_\_\_
  - На какой срок один из родителей или оба родителя оставляли Вас? \_\_\_\_\_
  - Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале (от 1 до 10), насколько факт разлуки с родителями вызывал у Вас такие негативные переживания, как: потеря безопасности, тревога, страх, стыд, обвинение, агрессия, отчужденность? \_\_\_\_\_
7. Есть ли в Вашей родительской семье враждебные межличностные отношения, частые конфликты? \_\_\_\_\_

БЛАГОДАРИМ ВАС ЗА АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В ОПРОСЕ!

## ATTITUDE OF TEENAGERS TO THEMSELVES AND PARENTS UNDER EPISODIC AND CHRONIC FAMILY DEPRIVATION

**A. K. Rubchenko**

*PhD, associate professor, psychology chair, Institute of Atomic Energetics,  
National Research Nuclear University "MIPI", Obninsk*

Family deprivation and its correlation with attitude to oneself and parents in teenagers ( $n = 411$ ) have been studied. The attempt to separate episodic and chronic family deprivation is realized. Differences in attitudes to father and mother in deprived and undeprived in childhood teenagers, as well as direct correlation between attitude to oneself and parents are revealed.

*Key words:* family deprivation, attitude to oneself, attitude to parents, late youth.